«В первой сотне банков еще больше 10 слабых игроков»

Александр ДАНИЛОВ,
старший директор,
Fitch Ratings

Cbonds Review обсудил с Александром Даниловым, старшим директором в международном рейтинговом агентстве Fitch Ratings, как долго ЦБ будет продолжать расчистку российского банковского сектора, затронет ли эта кампания уже в 2018 году новые крупные имена, могут ли госбанки стать дополнительным источником риска для системы, какие примеры бизнесов частных банков можно считать вполне успешными и через сколько лет в России может остаться всего 50 банков.

— В своем обзоре по банкам в декабре 2016 года вы писали: «Никаких серьезных потрясений в 2017 году мы не ждем. Коллапса системы не будет даже в случае экономического стресса, так как банки, составляющие ее ядро, либо в нормальном состоянии, либо могут рассчитывать на господдержку в случае необходимости…» Однако, если анализировать итоги 2017 года для российской банковской системы, можно с уверенностью сказать, что она столкнулась с одним из сильнейших потрясений за последние годы, согласны?

— Мы, конечно, не предполагали, что сразу три ведущих частных банка будут санированы, хотя подобный исход в отношении отдельных игроков был ожидаем. В любом случае, как мы и писали, коллапса системы не произошло, что не удивительно, так как на долю этих трех санируемых банков приходится лишь около 7% активов сектора. ЦБ же действовал оперативно и по максимально мягкому варианту, в результате чего старшие кредиторы и обычные вкладчики вообще не пострадали. Тем самым удалось сохранить доверие клиентов к банкам в целом и предотвратить возможные действительно серьезные потрясения.

— Как вы считаете, каковы главные уроки 2017 года для российского банковского сообщества?

— Во-первых, ЦБ дал понять, что планирует продолжать чистить банков-

ский сектор еще года два-три. Во-вторых стало очевидно, что регулятор готов на решительные действия в отношении даже крупных банков, у которых есть серьезные застойные проблемы с качеством активов, если их акционеры не хотят или не могут оказать достаточную поддержку.

— Какие ключевые риски для российской банковской системы вы бы выделили в 2018 году?

— Банковский сектор становится все более конкурентным из-за ограниченного спроса со стороны качественных заемщиков и падения ставок. При этом менее надежные игроки вынуждены платить относительно более высокие ставки по депозитам, чтобы удержать клиентов на фоне последних санаций и отзывов лицензий. Из-за более высокой стоимости пассивов такие банки просто будут не в состоянии конкурировать с теми игроками, у кого ресурсы дешевле в силу размера и более активной работы с клиентами, что обуславливает у них наличие большого объема по сути бесплатных текущих или зарплатных счетов. В результате больше банков будет сходить с дистанции уже по экономическим причинам, а не потому, что они занимались разного рода противоправной деятельностью или их акционеры выводили деньги, что прежде являлось наиболее частой причиной отзывов лицензий.

Есть некоторые признаки роста рисков в сегменте кредитования физлиц из-за удлинения сроков и снижения ставок кредитов, так как первое увеличивает риск дефолтности, а второе снижает доходность, то есть эти поколения кредитов потенциально более чувствительны к стрессу. Планируемое ЦБ введение лимита на месячный платеж (PTI) должно помочь уберечь людей от попадания в долговую яму и снизить риски. Однако это сработает, только если одновременно будет введено разумное ограничение максимального срока потребительских кредитов, чтобы банки не занижали минимальный платеж, выдавая кредиты на семь и более лет, как ипотеку, в попытке докредитовать заемщика.

Помимо этого, общим риском для российской экономики и как следствие — банковской системы по-прежнему является падение цен на нефть. Пока динамика внушает оптимизм, но как показывает практика, все может измениться очень быстро.

Из неэкономических факторов, пожалуй, надо выделить санкции, которые, безусловно, могут оказать существенное влияние. Однако пока нет конкретики по этому вопросу, то говорить о каких-то определенных последствиях преждевременно. Разве что уже сейчас можно сказать, что есть серьезный риск для Промсвязьбанка попасть под санкции из-за его будущей работы по обслуживанию гособоронзаказа.

— Какие показатели российской банковской системы у вас вызывают наибольшие опасения на данном этапе?

— Первое — сокращение чистой процентной маржи. По результатам 9 месяцев 2017 года у трети из топ-100 российских банков маржа была ниже 3%, в то время как средняя по сектору была на уровне 4.3%. Дальнейшее сокращение вероятно на фоне снижения инфляционных ожиданий и базовой ставки ЦБ, что будет негативно сказываться на общей доходности.

Второе — сохраняющиеся кредитные риски, так как после кризиса 2014 года не все проблемы банками были адекватно отражены и зарезервированы. Многие реструктурировали кредиты, с тем чтобы отсрочить признание по ним убытков и резервировать их по мере получения прибыли. Но с учетом падения маржи, а также, возможно, более жесткой позиции регулятора этот план в ряде случаев может не сработать.

Третье — низкий запас по капиталу у некоторых банков (исключая санируемые) с учетом увеличившихся с 1 января 2018-го буферов капитала. Так, на 1 декабря 2017 года среди 9 системных банков у 4 (это ВТБ, Газпромбанк, Альфа-Банк и Росбанк) на неконсолидированной основе запас по коэффициенту основного капитала (с учетом надбавок) был ниже 100 базисных пунктов. Однако Альфа-Банк в январе увеличил задел, разместив вечный бонд, ВТБ скорее всего сможет улучшить свой показатель через объединение с ВТБ24, а у Росбанка консолидированный показатель должен быть выше за счет лучше капитализированных дочек. Скромный запас по капиталу в менее чем 100 базисных пунктов наблюдается еще у 14 банков из первой сотни. Это ограничивает их возможности по созданию резервов в случае необходимости, а также сдерживает рост.

ЧИСТКА БАНКОВСКОГО СЕКТОРА БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ ЕЩЕ ГОДА ДВА-ТРИ

— Насколько комфортным является на данном этапе уровень ликвидности в российской банковской системе?

— Ликвидность находится на историческом пике — на конец января банки размещали на депозитных счетах в ЦБ более 2.7 трлн руб. Заимствования же от регулятора (исключая средства, выданные санируемым банкам, и старый субдолг на 500 млрд руб., предоставленный в свое время Сбербанку) на 1 декабря прошлого года составляли всего около 320 млрд руб. и вряд ли увеличились с того момента. Такой огромный профицит ликвидности образовался преимущественно в результате использования Минфином средств резервного фонда для финансирования дефицита бюджета. Резервы изначально размещались на валютных счетах в ЦБ, то есть вне банковской системы, но попадали в нее по мере того, как Минфин их тратил. Он продавал валюту ЦБ, который для этого печатал рубли, они затем шли на покрытие бюджетного дефицита (пенсии, социальные выплаты, зарплаты госслужащим, платежи по госконтрактам и так далее) и в конечном счете поступали в банки в виде депозитов и текущих счетов компаний и физлиц. Например, в декабре 2017 года Минфин продал остатки валюты из резервного фонда на более чем 1 трлн руб., что привело к сопоставимому притоку депозитов в банковский сектор.

Однако распределена ликвидность неравномерно. Например, Сбербанк и многие частные банки не зависят от госденег, в то время как ВТБ, Газпромбанк и Россельхозбанк по-прежнему в значительной степени фондируются деньгами Минфина, региональных бюджетов и прочих госструктур. Большой угрозы для них это не представляет, так как запас ликвидности у них все равно приемлемый и есть поддержка от государства, но тем не менее избытка ликвидности они не испытывают. Что касается санируемых банков, то у них дела обстоят несколько хуже, так как зависимость от госденег сильнее, и им предстоит нелегкая работа по их замещению, что может еще усилить конкуренцию за ресурсы.

Несмотря на в целом радужную картину, риск ликвидности сохраняется для слабых банков, если их клиенты вдруг начнут волноваться и выводить свои деньги. Подобное случилось с «Открытием», Бинбанком и Промсвязьбанком, которые ЦБ был вынужден санировать в такой спешке не столько из-за дыр в балансах, с которыми они жили годами, а именно из-за оттоков ликвидности.

— Как можно этот дисбаланс ликвидировать?

— Вряд ли это возможно в среднесрочной перспективе из-за бегства в качество и конкуренции, в том числе со стороны санируемых банков, которым нужно замещать дорогое фондирование от ЦБ, предоставленное им для компенсации значительных оттоков, произошедших до принятия решения об их спасении.

— Насколько активно ЦБ, по вашим прогнозам, продолжит расчистку банковской системы? Можем ли мы ждать новых громких историй с санациями в 2018 году? Кто потенциально в зоне риска?

— Чистка продолжится еще года два-три. Отдельные громкие санации еще могут быть — по моим приблизительным прикидкам, в первой сотне еще больше 10 слабых игроков, которые в зависимости от обстоятельств могут быть или санированы, или ликвидированы. Но все же по масштабу рекорд прошлого года вряд ли будет побит.

— Насколько жизнеспособным вам кажется вариант санирования банков через Фонд консолидации банковского сектора (ФКБС)? Нужно ли в принципе «спасать» плохие банки?

— Новый механизм, безусловно, лучше, чем предыдущий, по трем основным причинам. Первое и самое главное — спасенные банки практически сразу рекапитализируются и начинают соблюдать нормативы. Это исключает риск того, что недобросовестные инвесторы будут покупать проблемные банки, чтобы, пользуясь их отсрочкой по соблюдению нормативов, сгружать свои проблемные активы, как это не раз случалось ранее. Второе — уже сейчас видно, что из-за падения ставок многие банки, санированные с использованием старого механизма, не зарабатывают достаточно прибыли, чтобы в отведенный срок успеть восполнить капитал, и не исключено, что встанет вопрос об их повторной санации или же ЦБ придется увеличить сроки предоставленных им бесплатных кредитов. Новый механизм такой риск исключает. Ну и третье — объем рублевой эмиссии, необходимый для рекапитализации с использованием нового механизма, в 1.5-2 раза ниже, чем по предыдущей кредитной схеме, что снижает инфляционные риски для экономики.

Спасать необходимо, если банкротство и отзыв лицензии несет угрозу для фи-

НА МОЙ ВЗГЛЯД, ДЛЯ РОССИИ ДОСТАТОЧНО БЫЛО БЫ И 50 БАНКОВ

нансовой устойчивости всей системы. В этой связи спасение трех ведущих банков («Открытия», Бинбанка и ПСБ) было целесообразным — по сути у ЦБ не было выбора, так как ликвидация любого из них могла бы вызвать эффект домино и привела бы к серьезнейшим социально-экономическим потрясениям. Также логичным выглядит отзыв лицензии у банка «Югра», потому что у него не было межбанковских привлечений, облигационных займов и сколько-нибудь значительного объема депозитов компаний, а фондировался он в основном депозитами физлиц, подавляющее большинство которых были застраховано — то есть потери для контрагентов были минимальны. Кажется, ЦБ становится более избирательным в своих действиях: если ранее многие из санированных банков были относительно маленькими (например, Экономбанк, Социнвестбанк, Вокбанк) и целесообразность их спасения не очевидна, то в последнее время ЦБ спасал лишь действительно системно-значимые банки.

— На фоне последних проблем частных банков насколько здоровой вам кажется ситуация среди госбанков? Могут ли они стать дополнительным источником рисков для системы в целом?

— Ситуация неоднородная. В то время как Сбербанк опасений не вызывает и имеет все основания рассчитывать на сохранение высокой прибыльности, остальные госбанки все еще зависят от господдержки. И это несмотря на тот огромный объем поддержки, сопоставимый с тратами на санацию частных банков, который им уже был предоставлен за последние 3–4 года. Не все проблемы были закрыты: Внешэкономбанку Минфин планирует выделить на это еще 300 млрд руб. в течение ближайших трех лет, Россельхозбанк тоже пока не в состоянии зарезервировать все свои проблемные кредиты и будет нуждаться в дополнительных вливаниях в капитал, у ВТБ часть кредитов после проверки ЦБ под наблюдением и может потребовать дополнительного резервирования. При этом эти банки практически ничего не зарабатывают, что хорошо видно, если посмотреть на их структуру капитала, который практически полностью сформирован из вливаний, а не нераспределенной прибыли.

— Как бы вы сегодня дали определение тому, что же такое хороший банк и чем он отличается от плохого?

— Если говорить в общем, то хороший банк — это тот, который способен зарабатывать деньги на нормальном банковском бизнесе, а плохой — который работает либо на кредитование акционеров, либо с рыночными клиентами, но делает это плохо, зарабатывая мало или вообще принося убытки.

— Каким вы видите российский банковский сектор на горизонте 5–10 лет?

— Принципиально структура сектора не изменится. Госбанки по-прежнему будут доминировать. Более того, их доля может несколько вырасти, так как скорее всего последуют еще санации с использованием ФКБС, в то время как перспективы дальнейшей продажи санируемых банков в частные руки более чем туманны. Например, план ЦБ по объединению Бинбанка и «Открытия» с продажей через два-три года мне кажется утопичным. Исключая Сбербанк, эффективность остальных госбанков останется низкой, и потому они все еще будут зависеть от господдержки. Количество частных банков будет сильно сокращаться из-за роста конкуренции и чистки, но те, кто останутся, смогут упрочить свои позиции.

На горизонте двух-трех лет мы ожидаем скромный рост кредитования в районе 5% с сохранением приемлемой возвратности на капитал около 15%, так как снижение резервных отчислений будет нивелироваться снижением маржи. Финансовый прогноз на более длительный срок дать невозможно, потому что слишком много неопределенности в отношении ключевых факторов, влияющих на экономику и банковскую систему, — цен на нефть, геополитической ситуации и так далее.

— Согласны ли вы с мнением, что большая часть частных банков в стране неэффективна? Если да, то почему?

— Если говорить о системе в целом, то, полагаю, что дело обстоит именно так. Основная причина простая: очень трудно построить рыночный бизнес, способный конкурировать с крупными игроками, из-за зачастую более высоких удельных издержек, технологического отставания, нехватки квалифицированных кадров. Но, безусловно, есть и успешные примеры частных банков. Среди универсальных можно отметить Альфа-Банк, Совкомбанк и Росевробанк, демонстрирующие хорошие показатели год от года. Также есть успешные банки, оперирующие в нишевых сегментах, например Тинькофф Банк, или же в отдельных регионах, как Челиндбанк в Челябинске или Примсоцбанк на Дальнем Востоке. Этот список далеко не полный, так что говорить о закате частного банкинга в России более чем преждевременно.

— Есть ли на российском рынке частные банки с идеальным качеством активов и с внятной, устраивающей регулятора стратегией?

— Как я уже отметил выше, есть банки с хорошим качеством активов, с внятной стратегией и командой, способной ее реализовать. Но надо понимать, что идеального качества активов быть не может: любой актив несет определенный риск, который надо соотносить с доходностью, которую он приносит. Например, у банков, занимающихся потребительским кредитованием, по определению кредиты более рискованные, но расчет делается на то, что они должны окупаться высокими ставками. И есть примеры успешной реализации таких бизнес моделей — тот же Тинькофф Банк.

— Как вы считаете, сколько банков останется в России через 3–5 лет?

— Полагаю, что в результате чистки и конкуренции через три года в России останется 300 банков, из которых на долю первых 100, имеющих универсальную лицензию, будет приходиться более 95% активов сектора. Остальные 200, получив базовую лицензию, смогут продолжать оперировать с минимальным размером капитала взамен на отказ от проведения международных платежей, но понятно, что большой погоды в силу своего размера они делать не будут. Так что по сути можно сказать, что реально банков будет около 100, но и это, на мой взгляд, избыточно — для России достаточно было бы и 50 банков. Вполне допускаю, что мы выйдем на эту цифру в результате консолидаций на горизонте 5–6 лет.